

ББК 63.3(2)45-04

И.А. Силаева

Н.Н. Оглоблин как исследователь мореплавания и географических открытий в Сибири XVII–XVIII вв.

I.A. Silaeva

N.N. Ogloblin as the Researcher of Navigation and Geographical Discoveries in Siberia in XVII–XVIIIth Centuries

Н.Н. Оглоблин в ряде исследований рассмотрел историю русских географических открытий в Сибири и взаимоотношения землепроходцев с ее коренным населением.

Ключевые слова: географические открытия, Сибирь, коренное население, мореплаватели, экспедиция.

The geographical discoveries of Russian travelers and mutual relations with indigenous population of Siberia were considered by N.N. Ogloblin in his researches.

Key words: geographical discoveries, Siberia, indigenous population, seafarers, expedition.

Видным отечественным историком и архивистом рубежа XIX–XX вв. Н.Н. Оглоблиным изучались, в частности, русские географические открытия в Сибири, имеющие неопределимое значение для развития этого громадного края.

Многообразное научное творчество Н.Н. Оглоблина, прежде всего его изыскания об архиве Сибирского приказа – одного из наиболее важных органов центрального управления Московской Руси – и функционировании административного аппарата Сибири в XVII в., привлекло внимание Л.И. Шохина, но вне поля его зрения остались труды ученого по истории русских географических открытий в Северной Азии [1].

Среди людей, прославивших Сибирь, был якутский казак Семен Дежнев (1638–1671). Н.Н. Оглоблин собрал немало биографических сведений об этом известном землепроходце [2, с. 60–62].

Летом 1648 г. семь судов из устья реки Колымы вышли в море. Точных данных о том, кто вначале был во главе этой экспедиции – Федот Алексеев, Герасим Анкудинов либо Семен Дежнев, не сохранилось. По заключению Н.Н. Оглоблина, после гибели двух первых из названных землепроходцев главенствующая роль в экспедиции принадлежала Дежневу [3, с. 254, 257].

Ученый отмечает, что в устье Анадыря Дежнев открыл «коргу» (отмель), на которой собирались стада моржей и здесь теряли свою ценную кость – «рыбий зуб». Дежнев нашел обширные залежи этого «заморного зуба», а затем стал «зверя промышлять» для добычи той же кости. Как указывает Н.Н. Оглоблин, сюда же устремились и другие партии русских людей,

каждая из которых приписывая себе честь открытия богатой «корги», отстаивая свои права на исключительную разработку ценной добычи [3, с. 260, 270].

Царская грамота якутским воеводам, данные из которой приводит Н.Н. Оглоблин, свидетельствует об открытии моржевой кости именно С. Дежневым и сообщает про объем ее добычи [3, с. 262].

Н.Н. Оглоблин привел несколько точек зрения по поводу открытий Дежнева. Так, несмотря на приписывание чести открытия Чукотского носа М. Стадухиным себе и своим спутникам, выдающийся историк Г.Ф. Миллер указывал на находку «Святого носа» и Берингова пролива в 1648 г. Семеном Дежневым [3, с. 253]. Об открытии тогда Берингова пролива С. Дежневым свидетельствуют его челобитные, поданные в июле 1662 г. в Якутске и в сентябре 1664 г. в Москве. Челобитная «торговых и промышленных людей» Ф. Алексеева с товарищами подтверждает факты открытия Дежневым Берингова пролива [3, с. 265]. В то же время известный сибиревед П.А. Словцов, сомневаясь в подлинности документов С. Дежнева, отвергает мысль о его проходе по Берингову проливу и говорит о движении корабля С. Дежнева ближе к мысу Чаунскому [3, с. 264, 278]. Рассматривая точку зрения Словцова, Н.Н. Оглоблин замечает, что великие открытия и изобретения часто принадлежат личностям простым, а не лицам, умудренным образованием [3, с. 279].

Изучая морской путь С. Дежнева, судьбу его экспедиции, Н.Н. Оглоблин задается вопросом, действительно ли в 1728 г. пролив, открытый в 1648 г. Дежневым, был повторно открыт Берингом [3, с. 272, 274]. Ученый пришел к выводу, что едва преодолев по-

ловину дежневского пролива, В. Беринг никак не может считаться первооткрывателем, пусть и повторно.

Н.Н. Оглоблин также напоминает о признании открытия Берингова пролива С. Дежневым в трудах М.В. Ломоносова [3, с. 277], указывая, что относительно этого открытия собрано много ценных материалов, в то время как об изучении русскими Ледовитого океана сохранилось мало сведений [4, с. 38].

Н.Н. Оглоблин находит, что ни колымскими, ни якутскими властями не было осознано значение открытия С. Дежнева по причине его скромности; Дежнев не придавал должного значения этому открытию при описании своих путешествий [3, с. 280]. Возражения же П.А. Словцова Н.Н. Оглоблин признает голословными [3, с. 281].

Как пишет ученый, другие сибирские путешественники (Г.А. Сарычев, Г.И. Давыдов, Н.А. Хвостов, В.М. Головин, Г.И. Шелехов, Л.С. Берх, О.И. Вениаминов) сохранили для науки немало сведений о своих открытиях; о них можно узнать из статьи морехода – штурмана П. Зайкова в «Месяцеслове» (за 1772, 1782–1779 гг.), записок штурманского ученика Д. ПолUTOва (1772–1777 гг.), опубликованных в «Месяцеслове» в 1783 г., а также из карт и корабельных журналов мореплавателей. Н.Н. Оглоблин перечисляет мореплавателей, составивших карты: казака С. Пономарева, тотемского промышленника П. Шишкина (1758–1759 гг.), купца В.И. Шилова (1767 г.), штурмана П. Зайкова (1772–1779 гг.), Г.А. Измайлова и Д.И. Бочарова (1788 г.) [5, с. 749–751].

Н.Н. Оглоблин также указывает на морехода И.М. Соловьева, совершившего немало промышленных экспедиций и оставившего после себя путевые заметки об одной из них – на Алеутские острова (1770–1775 гг.) [5, с. 752].

Н.Н. Оглоблин отмечает, что, по некоторым данным, население Алеутских островов ко времени открытия их русскими достигало 25000 человек, однако затем оно сильно уменьшилось. Соловьева часто считали «истребителем алеутов» [5, с. 752–753].

Одной из беспощадных промышленных экспедиций была предпринятая И. Бечевиным в 1760–1762 гг. на судне «Гавриил»; в ходе нее разгорелась жестокая борьба между двумя сторонами [5, с. 754–755].

По опубликованному Н.Н. Оглоблиным сообщению (июнь 1776 г.) губернатора А.И. Бриля, 16 июля 1775 г. в Охотский порт вернулось судно «Святой Павел» с командой мореплавателей под руководством тобольского посадского человека И.М. Соловьева. В рапорте Бриля названо немало событий, связанным с открытием и присоединением к России Алеутских островов [6, с. 184].

Присланный в июле 1777 г. корабельный журнал экспедиции Соловьева не представил для Сената интересных «подробностей». Н.Н. Оглоблин же, на-

против, отмечает ценность данных материалов для истории и географии Алеутских островов [6, с. 187]. По наблюдению Н.Н. Оглоблина, Соловьевым были открыты острова в восточном конце Алеутской гряды: Саннах, Олений и другие более мелкие островки у того же полуострова. Именно Соловьев подробно описал открытые его предшественниками полуострова Аляски и острова Умнака, Агутанка, Кигалга, Акунь, Уналашка и др. Записки Соловьева в оценке Н.Н. Оглоблина богаты и гидрографическими данными, так как перечисляют озера и реки. Отмеченные Соловьевым огнедышащие «сопки» отнесены Н.Н. Оглоблиным к выдающимся явлениям Алеутских островов. Соловьевым также было зафиксировано землетрясение, указаны сведения о жизни коренных народов этих полуостровов [6, с. 190, 194–197].

Н.Н. Оглоблин упоминает и об открытиях других мореплавателей, таких как Михаил Стадучин, Иван Ребров, Василий Бугор, Елисей Буза, Иван Ерастов, Прокофий Брагин, Иван Белян, Василий Власьев, Юрий Селиверстов. Н.Н. Оглоблин выделяет из них Стадучина как соперника Семена Дежнева; Селиверстова же, напротив, причисляет к его сподвижникам. Диапазон плаваний названных мореплавателей достаточно широк. Они побывали на реках Оленка, Лена, Алазея, Индигирка, Колыма, Анадырь, Пенжина, Гижиг, Охота. В основном их плавания затрагивали области Ледовитого и Восточного океанов [4, с. 38, 39].

Помимо С. Дежнева, внимание Н.Н. Оглоблина привлекли судьбы и других землепроходцев. Согласно присланной якутским воеводой М. Лодыженским в Сибирский приказ в июне 1659 г. челобитной М. Стадучина, он совершил множество плаваний. Так, в 1630 г. М. Стадучин покорял Якутскую землю в составе отряда сына боярского П. Ходырева, в 1633 г. с отрядом Посника Иванова, включавшим 15 человек, побывал на Вилное с целью поиска неясчных тунгусов, в 1641 г. во главе отряда из 14 человек по заданию якутского воеводы П.П. Головина побывал на реках Индигирке и Колыме, где поставил ясажное зимовье и в течение двух лет собирал ясак.

В 1647 г. М. Стадучин был направлен воеводой В. Пушкиным с 9 казаками за Ковьму-реку, где обнаружил залежи моржовой кости. Потом был предпринят поход на реку Анадырь и далее на Пенжину-реку. После обнаружения М. Стадучиным коряжков его путь, по данным Н.Н. Оглоблина, проходил через реку Изигу, где проживали юагиры, реки Гижигу и Товуй.

В челобитной М. Стадучина (1646 г.), сведения из которой приводит Н.Н. Оглоблин, рассказывается о путешествиях землепроходца и собранной им пушнине, а также содержится просьба об увеличении жалованья [4, с. 41, 42].

Как указывает Н.Н. Оглоблин, о находке М. Стадучиным на берегу Ледовитого океана моржовой кости

и других фактах, относящихся к его морским путешествиям, сказано в отписке 1651 г. якутских воевод Д. Францбекова и О. Степанова. Так, по их сведениям, М. Стадухин побывал на реке Ковыме. В челобитных якутских казаков Гаврилова и Сергея Ортемьева (1649 г., 1650 г.) сообщается о путешествии знаменитого мореплавателя, кроме Ковымы, к рекам Оемокон и Индигирке [4, с. 43, 44].

Н.Н. Оглоблиным собраны интересные данные о мореплавателе И.И. Реброве, побывавшем на Вилюе, Лене, Алдане, Яне, Индигирке и других реках; именно ему принадлежит честь открытия рек Яны и Индигирки (Собачьей). По словам И.И. Реброва, морской ход проходил по рекам Вилюю, Лене, Алдану, Оми, Мию; попутно этот землепроходец со служилым человеком Степаном Корытовым собирали ясак. Судя по челобитной, поданной Ребровым и енисейцем Ильей Перфильевым в 1633 г., затем служилые люди двинулись на реку Яну, получив разрешение приказного человека Андрея Иванова. Следующей рекой, на которой побывали служилые люди, стала Индигирка. В 1641 г. Ребров с собранным ясаком направился в Якутск «в ленскую службу» по предписанию воеводы П.П. Головина [4, с. 44–45]. В 1642 г. И. Реброва направили на реку Оленек, где он служил в «поставленном» там острожке до 1647 г., после чего отправился на реку Пиликту. По мнению Н.Н. Оглоблина, челобитная Реброва не только раскрывает тяготы службы и походов в новые земли, содержит просьбу о назначении приказным человеком, но и подтверждает, что именно этим казаком были открыты Яна и Индигирка. Путешествия Реброва завершились в Туринске, где его назначили на место якутского казачьего пятидесятника Ивана Пермяка [4, с. 46].

Н.Н. Оглоблин приводит челобитную енисейских служилых людей (1637 г.), свидетельствующую о морском походе енисейского казачьего десятника В.Е. Бугра и его товарищей на реку Оку, Ангар, к устью реки Уды. Историк обнаружил и другую челобитную участников похода сына боярского А. Бедарева, пятидесятника К. Иванова и старшего казачьего десятника В. Бугра в «Братскую землю» [4, с. 47].

По выявленному Н.Н. Оглоблиным документу, составленному Друганко, видно, что его спутник Е. Буза совместно с 20 казаками и целовальниками в 1637–1644 гг. путешествовал по рекам Лене, Омолоевой, Яне, Янге с целью сбора мягкой рухляди [4, с. 50–51].

О морском походе красноярского казака Ивана Ерастова (1638–1642 гг.) по рекам Яне, Янге, Индигирке, Уяндине свидетельствует челобитная ленских служилых людей (1646 г.) [4, с. 52–56]. Из отписки (1646 г.) якутских воевод В. Пушкина с товарищами известно о другом плавании Ерастова, который тогда побывал на уже знакомых русским рекам Яне, Собачьей, Алазейке, Ковыме и открыл реку Погычу [4, с. 56].

Следуя челобитной 1650 г., Н.Н. Оглоблин указал, что сын тобольского стрельца якутский казак Иван Кузьмич Беляна совершил три плавания по рекам Индигирке, Алазее, Колыме. На основании этого документа ученый констатировал, что путешествие по Индигирке И. Беляна совершил в составе отряда Постника Иванова в 1642 г. На реке Алазее И. Беляна оказался в 1643 г. с казаком Дмитрием Зыряном и шестью промышленными людьми. Весной 1645 г. морским путем И. Беляна прибыл на реку Ковыму. Как и многие другие, по свидетельству Н.Н. Оглоблина, данный морской поход с целью сбора ясака проходил не без противодействия местных жителей [4, с. 58, 59]. Челобитная И. Беляна об определении его в дети боярские в Тобольске осталась без приговора.

Как отмечено Н.Н. Оглоблиным, по сибирским рекам плавали и якутский сын боярский Василий Власьев и таможенный целовальник Кирил Коткин, о чем идет речь в отписке якутских воевод Д. Францбекова и О. Степанова (1651 г.). С реки Ковымы названные землепроходцы отправляли в 1648 и 1650 гг. в Якутск моржовую кость [4, с. 60].

В 1651 г. самостоятельную экспедицию предпринял Ю. Селиверстов (после плавания под началом М. Стадухина в 1647–1650 гг.). Из упомянутой отписки воевод известно о челобитной Ю. Селиверстова, где он рассказывает про путешествия по Чухте, Ковыме, Анадырю, Чондони и еще двум рекам, сообщая о встретившемся на пути необложном ясаком коренном населении [4, с. 61].

Н.Н. Оглоблин упоминает и о плаваниях 1739–1741 гг. лейтенанта Д. Лаптева дальше устья реки Колымы [7, с. 271].

Другие мореплаватели – И. Бахов и Н. Шалауров – прошли в 1757–1760 гг., по мнению Н.Н. Оглоблина, по Северному океану до Камчатки, повторяя путь С. Дежнева, причем между устьем Лены и Шелагским мысом оба морехода погибли [7, с. 269].

По свидетельству Н.Н. Оглоблина, Бахов прошел 4/5 пути от Лены до Колымы, а Шалаурову принадлежит руководство экспедицией всего на 1/5 пути от Колымы до Шелагского мыса.

Как выяснил Н.Н. Оглоблин, иркутский купец И. Бечевин просил разрешения повторить плавание Бахова в обратном направлении – от Камчатки до Лены, но новая экспедиция состоялась только как плавание в Восточном океане с посещением Алеутских и других островов в 1761 г. [7, с. 273, 274, 298].

Н.Н. Оглоблин обращает внимание на предписания мореплавателям оставлять полную информацию в корабельных журналах. Так, бригадир Ф. Немцов в 1777 г. направил в Сенат правила, которые требовали быть дружелюбными к коренному населению, извещать губернатора о предстоящем мореплавании, подробно расспрашивать иноземцев о проходивших судах, избегать отношений с кораблями, привозившими больных

людей, на каждое судно брать по одному «штурманскому ученику», вести надзор за работниками купеческих судов. Наставления Ф. Немцова в июле 1778 г. Сенат направил на рассмотрение Адмиралтейской коллегии, но дальнейшая судьба этих предписаний неизвестна [6, с. 186, 187].

Н.Н. Оглоблин выделял Владимира Атласова из всех путешественников за особые заслуги, представляя его как первооткрывателя и исследователя обширной страны, положившего начало подчинения ее Русскому государству [8, с. 3]. В 1697–1699 гг. В. Атласов предпринял первый поход на Камчатку, где раньше не бывали русские, несмотря на ходившие слухи о Камчатской земле. По словам В. Атласова, он отправился на Камчатку по наказной памяти якутского воеводы Арсеньева, предписывающей искать новые земли, во главе отряда из 60 служилых и промышленных людей [8, с. 5–7].

По описанию Н.Н. Оглоблина, путь В. Атласова проходил от Анадыря к реке Камчатке по западному берегу полуострова, омываемому Охотским морем, через два острожка, где с местного населения был собран ясак. Встреченные русскими оленные косяки и юкагиры отказывались его платить, и отряд В. Атласова подвергался нападению. Далее русские двигались по рекам Полани, Камчатке, Тигиле, Канучи (Крестовой), Озерной, Иче, Голыгине, Опалой, Инке, Сиунчу, Харюзове, реке Каланской; были на Пенжинской губе. Как указывал Н.Н. Оглоблин, В. Атласов в ходе экспедиции насчитал 22 реки, на берегах которых проживает коренное население [8, с. 7–13].

Сохранились три челобитных В. Атласова о награждении мореплавателей. По указу московского правительства за путешествие на Камчатку и получение ясака с новых земель удостоился поощрений не только В. Атласов, но и ряд других участников похода [8, с. 14–20].

Организовать второй поход на Камчатку (в связи с описанными Атласовым в своих челобитных богатствах края) предписывала царская грамота (26 февраля 1701 г.) тобольским воеводам князьям боярину М.Я. и стольнику П.М. Черкасским, дьякам А. Парфенову и И. Обрютину. Приказывалось направить в поход 100 служилых людей, вооружив их и обеспечив денежным жалованьем. Н.Н. Оглоблин отмечает, что во втором походе В. Атласов был убит (1711 г.) [8, с. 21–22, 24–29].

Н.Н. Оглоблин со ссылкой на материалы Г.Ф. Миллера замечает, что население по берегам Камчатки смотрело на русских как на пришедших «богов», пока не увидело происшедшую между ними драку. Убедившись, что русские смертны, камчадалы перестали их бояться и истребили экспедицию В. Атласова, когда она направилась в сторону реки Ковымы [3, с. 257].

Исследуя русские походы в Сибирь, Н.Н. Оглоблин часто описывает отношения коренного населения

и землепроходцев, целью которых, помимо разведки новых «землиц», в основном являлся сбор пушнины. Поэтому далеко не всегда местные жители встречали служилых и промышленных людей дружелюбно.

Как показывает Н.Н. Оглоблин, морские походы сопровождался сбором ясака с местного населения. Так, во время похода по реке Колыме, длившемся 5–6 лет, были взяты аманаты из местного населения, с которого собирали пушнину. Трехлетнее или четырехлетнее плавание по реке Оленске также сопровождалось сбором ясака [4, с. 39–40].

В 1641 г. на реке Яне С. Дежнев и Михайлов беспрепятственно собрали ясак с местного населения. Чуть позже на них напали ламуцкие тунгусы, желавшие отобрать пушнину. Нападение было отбито, при этом Дежнев ранил предводителя тунгусов.

Как писал Н.Н. Оглоблин, И. Ребров успешно собрал ясак и взял аманатов у якутов на реке Мие. На реке Янге в аманаты попали «князья» Яндарака, Омолой и Тузик [4, с. 45].

Во время зимовья отряда И. Реброва в устье реки Пиликты в 1647 г. был не только собран ясак, но и взяты в аманаты 6 представителей местного населения. И. Ребров упоминает о боях с инородцами, о полученных от них ранах. Таким образом, видно, что его походы не были вполне благополучными [4, с. 46].

По данным Н.Н. Оглоблина, летом 1649 г. Дежнев, двигаясь с экспедицией по Анадырю, доплыл до зимовья анаульцев, и, несмотря на их сопротивление и полученную рану, собрал ясак [3, с. 259].

Н.Н. Оглоблин указывает на то, что Дежневу часто приходилось вступать в бой с местным населением. Русские не раз громили зимовья, острожки, забирали аманатов, собирая ясак [3, с. 260].

Челобитная торговых и промышленных людей Ф. Алексея «с товарищи» таможенному целовальнику П. Новоселову свидетельствует о гибели в походе 64 человек. Среди причин смерти русских называются кораблекрушения, морской разбой, утопление, голод и убийства в результате столкновений с иноземцами [3, с. 265].

Приведенная Н.Н. Оглоблиным челобитная ленских служилых людей содержит данные о том, что во время походов на Ковыму, продолжавшихся 5–6 лет, из среды местного населения были взяты в аманаты «три лучших мужика». При этом в бою с юкагирами М. Стадухин был ранен.

Его челобитная, направленная в Сибирский приказ якутским воеводой М. Лодыженским в июне 1659 г., сообщает, что русскому отряду на реке Лене пришлось воевать с якутами, дабы покорить их и обложить ясаком.

На реке Изиге, где проживали юкагиры, отряду Стадухина не удалось собрать ясак из-за его немногочисленности, но не исключалась возможность сделать это в дальнейшем [4, с. 42].

Документы, найденные Н.Н. Оглоблиным, показывают, что экспедиция В. Атласова на Камчатку (1697–1699 гг.) началась с мирной встречи с тремя сотнями коряков и олюторов, проживавшими в двух острогах. Отряд В. Атласова, собравший здесь яsak лисьими шкурами, проследовал к реке Камчатке по западному берегу, омываемому Охотским морем. Встреченные здесь две юрты коряков отказались от уплаты ясакa, но были усмирены В. Атласовым (способ усмирения, по замечанию Н.Н. Оглоблина, остался неизвестен). Встреченные далее на пути В. Атласова у реки Полани юагиры, уже обложенные яsakом, были враждебно настроены к пришедшему отряду. При их нападении погибли 3 казака, ранены 15 человек, в том числе сам В. Атласов.

Обычно по пути в населенных пунктах оставлялись служилые люди. Так, на реке Камчатке временно остались 12 служилых людей и 30 ясачных юагиров [8, с. 7, 8], при обратном пути на реке Камчатке В. Атласов оставил 15 казаков (под началом П. Сердюкова) и 13 юагиров.

Н.Н. Оглоблин отмечает, что в центре Камчатского полуострова Атласову удалось собрать яsak. Некоторые из подчинившихся инородцев просили отложить сбор ясакa до следующего года. Другие (камчадалы, коряки и курильцы) отказались уплачивать яsak, в связи с чем Атласову пришлось их усмирять.

Н.Н. Оглоблин описывает случай взятия в плен Атласовым на реке Иче одного оленного коряка [8, с. 10, 11].

На реке Камчатке служилые люди жили с местным населением в согласии и собирали яsak (это отмечено в сметном списке сбора ясакa и поминков с Якутского двора за 1702 г.) [8, с. 12]. Тем не менее в 1699 г. отряд Серюкова при переходе из Верхне-Камчатского острога в Анадырь был истреблен коряками. Приказчик Т. Кобелев в качестве мести за это в следующем году разорил коряцкий городок Кохча.

Н.Н. Оглоблин приводит сведения о сборе ясакa Атласовым с обитателей берегов рек Сиунчи и Хорюзовой [8, с. 13].

По подсчетам ученого, в период открытия Камчатки при сборе ясакa погибло от рук местного населения 45 русских и 56 анадырских ясачных юагиров [8, с. 14].

На взгляд Н.Н. Оглоблина, экспедиции мореплавателей, содействуя развитию знаний, промышленности и принося пушнину в российскую казну, не искупают гибели большого количества людей, как из местного населения, так и из русских отрядов [5, с. 752].

Н.Н. Оглоблин показал, что сопротивление коренных народов сбору ясакa в течение 1740–1790 гг. привело к значительному уменьшению числа местных жителей.

С точки зрения Н.Н. Оглоблина, самые первые разногласия между сторонами возникли по вине русских.

Так, например, за жестокое обращение с алеутами в 1745–1746 гг. членов отряда М. Неводчикова осудили. Последующие экспедиции были еще более кровопролитными, и истребление местного населения приняло большие масштабы. Алеуты же, мстившие пришельцам за нарушение покоя на островах, организовывали заговоры и нападали на русских.

Экспедиция И. Бечевина в 1760–1762 гг. запомнилась современникам насилиями русских над алеутками. Так, по данным Н.Н. Оглоблина, при сержанте Пушкареве погибли десятки женщин. Отряд Бечевина был предан суду полковника Плениспера [5, с. 755–756].

Правительство, как показывает Н.Н. Оглоблин, пыталось остановить произвол мореплавателей. Так, согласно рескрипту от 2 марта 1766 г. сибирскому губернатору Д.И. Чичерину, касавшемуся экспедиции А. Толстых, Екатерина II предписывала сообщать после экспедиций о взаимоотношениях с коренным населением, с которым следовало обращаться ласково, без притеснений. Правительству было известно о таких притеснениях, в том числе насилиях над женщинами, сборе ясакa сверх нормы, краже звериной добычи и другого имущества алеутов, использовании населения в качестве бесплатной рабочей силы.

Н.Н. Оглоблин называет еще одну экспедицию, «прославившуюся» своей жестокостью в обращении с алеутами. Так, в 1765–1770 гг. экипаж судна «Павел» под руководством А. Очередина, поначалу встреченный дружелюбно местным населением, оставшись зимовать, стал нести людские потери. По указу императрицы Екатерины, узнавшей об этой экспедиции, отныне запрещалось собирать яsak с жителей Алеутских и Курильских островов [5, с. 756].

В 1761–1762 гг., как подчеркивал Н.Н. Оглоблин, алеуты выступили в открытые военные действия против отряда мореходов курского купца А. Дружинина, штурманского ученика С. Медведева, И. Коровина и еще одного мореплавателя, имя которого осталось неизвестным. Только одно из четырех судов вернулось обратно, остальные экипажи погибли. Как свидетельствует Н.Н. Оглоблин, поводом для истребления русских послужило наказание розгами одного из алеутов. Шесть человек из отряда Дружинина спаслось и скрывалось до прибытия отряда Соловьева в пещерах острова Уналашки, пока не были вывезены на Камчатку. Действия алеутов вызвали недовольство в рядах отряда Соловьева и Глотова [5, с. 757]. В 1764 г. тобольский купец И.М. Соловьев прибыл на Алеутские острова со своим отрядом и подвергся нападению алеутов. И.М. Соловьев истребил сотню нападавших, были уничтожены также их байдары и жилища. Далее последовало еще большее кровопролитие, причем И.М. Соловьев использовал не только обычное, но и взрывное оружие. Как видно по работе Н.Н. Оглоблина, при истреблении местно-

го населения И.М. Соловьев не жалел безоружных, женщин, детей. Об особых проявлениях жестокости И.М. Соловьева свидетельствуют данные русского миссионера О. Вениаминова, отмечавшего, к примеру, нередкие случаи расстрела алеутов «для потехи». Число алеутов, убитых Соловьевым и его подчиненными, колеблется по разным данным от 400 чел. до 5 тыс. [5, с. 758–760].

По данным Н.Н. Оглоблина, в последующих морских экспедициях русских число жертв уменьшалось с каждым годом, но и эти экспедиции все-таки отличались жестокостью по отношению к коренному населению. Так, С. Готовым были перебиты все жители южной стороны острова Умнаки. Алеуты гибли и от рук членов отрядов Протасова и Брагина.

Экспедиция капитанов И.И. Биллинга и Г.А. Сарычова положила конец жестоким кровопролитиям. Ими в 1790 г. было проведено расследование, после которого отношение к алеутам значительно улучшилось [5, с. 761–762].

Из одной описанной Н. Н. Оглоблиным экспедиции служилые люди вернулись (16 июля 1775 г.) с пятью алеутами, пожелавшими переехать в Россию. По рапорту губернатора А.И. Бриля (июнь 1776 г.) и выписке из путевых заметок И.М. Соловьева, алеутов направили в Иркутск, по дороге в который одна алеутка умерла. Остальных предписывалось отослать в Петербург. Но ответ бригадира Ф. Немцова свидетельствует о том, что четыре алеута умерли от разных болезней [6, с. 184–186].

Несмотря на прекращение военных действий между сторонами, продолжались одиночные убийства неосторожных русских, нападения на артели промышленников, причем во время обеих экспедиций Соловьева [6, с. 187].

Местное население вскоре было порабощено. Алеуты не только выплачивали ясак, но и были превращены практически в рабов, служивших интересам промышленных компаний. Н.Н. Оглоблин, опираясь на записки Соловьева, приводит примеры наказания алеутов смертью за провинности, хотя, по мнению ученого, мемуарист сознательно опускает факты жестокого обращения с коренным населением, особенно женщинами. Но местами в записках случаи явных насилий над алеутскими женщинами все же упоминаются. И.М. Соловьев также вспоминает о жалобах алеутов на жестокость промышленников с судна Холодиловской компании.

Кстати, Соловьевым были выявлены интересные сведения о социальных группах алеутского населения (тоены, лучшие мужики и работники). У алеутов были рабы, в категорию которых попадали в основном военнопленные [6, с. 189–190].

Алеутские острова, по определению Н.Н. Оглоблина, существовали как обособленные государственные единицы, управлявшиеся, как предполагал ученый,

советом тоенов с привлечением «лучших мужиков». В путевых записках Соловьева сохранились данные о взаимоотношениях алеутов с населением Американского материка. (Журнальные записки касаются в основном времени пребывания Соловьева на Алеутских островах и охватывают период с 6 сентября 1770 г. по 16 июля 1775 г.) [6, с. 190–191].

По собранным Н.Н. Оглоблиным данным, 1772–1773 годы были полны нападений на русских со стороны местного населения. Последующие годы (с 1773 по 1775 г.) характеризовались беспрепятственным проживанием членов соловьевской экспедиции на Алеутских островах. Дружественное отношение со стороны местного населения Н.Н. Оглоблин объясняет бессилием и безуспешностью продолжения борьбы против русских. Единичные попытки нападений на промышленников отмечаются с 1780-х гг. При отъезде с островов русские из экспедиции Соловьева тепло прощались с островитянами. Для сбора ясака и нужд Холодиловской компании среди алеутов был оставлен И. Гурьев. Отпустив аманатов, 21 мая 1775 г. Соловьев на судне «Святой апостол Павел» отплыл с острова Уналашки. За время путешествия из 72 человек экспедиция потеряла почти половину состава [6, с. 210–214].

В период подготовки к полярной экспедиции 1754–1756 гг. Бахов, согласно опубликованной Н.Н. Оглоблиным челобитной этого мореплавателя, собиравшись с встретившимся на пути ему коренным населением обходиться мирно и «порядочно». К иркутской губернской канцелярии он обращался с просьбой дать ему право «смирять» своих людей, как пожелает, при встрече с островитянами. Для предотвращения нападений со стороны местного населения Бахов просил вооружить корабль пушками и порохом, разрешить меновую торговлю с местным населением ввиду необходимости установления дружественных контактов [7, с. 282, 286].

Ответ губернатора, помимо прочих наставлений и удовлетворения просьб Бахова, включал требование сдерживать притеснения промышленниками инородцев, еще не вступивших в российское подданство [7, с. 284].

Итак, в трудах видного историка и архивоведа Н.Н. Оглоблина освещены географические открытия русских в Сибири в XVII–XVIII вв., сложности, возникавшие в ходе экспедиций, взаимоотношения с коренными народами, социальные, экономические и политические последствия вхождения сибирских территорий в российское подданство.

Н.Н. Оглоблин показывает, что дружественные отношения с иноземцами способствовали лучшему сбору ясака, благополучному проживанию русских на новых землях. Российское правительство предписывало мореходам налаживать связи с инородцами, но, по мнению самих мореплавателей, иногда это

оказывалось невозможным, подчас же и сами путешественники с целью быстрее привести население под российское подданство обращались с ним жестоко. Н.Н. Оглоблин приводит многочисленные данные,

обнаруживающие преимущественно враждебные отношения мореплавателей и коренного населения. Зафиксированные ученым столкновения между сторонами приводили к огромным жертвам.

Библиографический список

1. Шохин Л.А. О работе Н.Н. Оглоблина над «Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа» // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988.
2. Оглоблин Н.Н. Смерть С. Дежнева в Москве, в 1671 г. // Библиограф. – 1891. – №3–4.
3. Оглоблин Н.Н. Семен Дежнев (1638–1671 гг.). Новые данные и пересмотр старых // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1890. – №12. – Отд. 2.
4. Оглоблин Н.Н. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века // ЖМНП. – 1903. – №5. – Отд. 2.
5. Оглоблин Н.Н. Путевые заметки морехода И.М. Соловьева // Русская старина. – 1892. – №9.
6. Оглоблин Н.Н. Путевые заметки морехода И.М. Соловьева // Русская старина. – 1892. – №10.
7. Оглоблин Н.Н. К истории полярной экспедиции Бахова и Шалаурова в 1757–1760 гг. // ЖМНП. – 1902. – №6. – Отд. 2.
8. Оглоблин Н.Н. Новые данные о Владимире Атласове. – М., 1888.